

Л. С. Дампилова, В. В. Миндибекова

СОВМЕЩЕНИЕ ФУНКЦИЙ ШАМАНА И СКАЗИТЕЛЯ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СИБИРИ¹

В отечественной этнографии и фольклористике вопрос о совмещении функций шамана и сказителя в сравнительном аспекте на междисциплинарном уровне является одной из актуальных проблем. Цель работы состоит в выявлении функциональных связей шаманов и сказителей. В ходе исследования впервые путем сравнительного анализа функций шаманов и сказителей у близких по традиции народов Сибири определен единый архетип синкретического образа певца. Установлено, что картина мира в эпических текстах у народов Сибири строится согласно традиционной шаманской мифологической версии. Впервые на конкретных примерах проведено сравнение эпических и шаманских текстов, записанных как от рапсода, исполняющего функции шамана, так и шамана, исполняющего эпический текст. Выявлены общие функции шамана и сказителя как избранника небес, пророка и прорицателя, обладающего даром свыше, наитием. Определены универсальные мотивы божественного дара, действий по принуждению, наказуемости, обделенности. В итоге исследования сделан вывод, что функции шамана и рапсода в бурятской, якутской и тувинской традициях имеют типологическое сходство. Древние функции шамана и сказителя с развитием устной традиции разделились, но в последующих поколениях их могли одновременно выполнять в основном те, кто имеет шаманские корни. У бурят совмещение функций шамана и сказителя сохранялось, пока была жива сказительская традиция. В хакасской традиции функции шамана и сказителя со временем полностью разошлись, однако проведенное исследование выявляет рудименты древнего синкретизма.

Ключевые слова: эпос, обряд, текст, мифология, этнос, культурные универсалии, синкретизм.

Введение

Вопрос о совмещении функций шамана и сказителя является одной из актуальных проблем отечественной этнографии и фольклористики. В рамках междисциплинарных исследований по выявлению и изучению культурных универсалий вербальных традиций народов Сибири представляется возможным провести сравнительный анализ проблемы совмещения функций шамана и сказителя у близких по традиции народов Сибири. В данной статье выбраны бурятские, хакасские, тувинские и якутские традиции, отличающиеся общностью исторической судьбы, едиными природно-климатическими особенностями. Впервые на конкретных примерах сказителя как шамана и шамана как сказителя проводится сравнительный анализ бурятского эпического и обрядового текстов.

В фольклористике и этнографии вопрос о схожих функциях шамана и сказителя как самобытного певца-поэта, театра одного актера изучался на материале разных народов, но до сих пор по данной теме нет сравнительных исследований на конкретных материалах. С точки зрения историографии вопроса о шаманских истоках певческой и сказительской традиций в мировой этнографии и фольклористике издано множество трудов, поэтому в рамках статьи привлекаются необходимые данные для нашей концепции. В. М. Жирмунский проводил аналогии между верой в магическую силу песни и обряда, отмечал совмещение в древности профессий певца и колдуна-шамана (Жирмунский, 1974: 29). Для данного исследования ценным представляется мнение Б. Н. Путилова: «К сожалению, никто пока из специалистов не подверг тщательному сравнительному анализу шаманские нарративы и эпические сказания» (Путилов, 2003: 59). На использование богатырских сказок и эпоса в обрядовой практике указывала Е. С. Новик, при этом предупреждая, что «следует выявить те присущие обеим этим сферам структурные закономерности, которые обеспечивают и их стабильность, и их вариативность» (Новик, 1984: 15). В нашей работе поддерживается точка зрения Е. В. Ревуненковой, согласно которой

¹ Исследование выполнено в рамках лаборатории Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык».

«у народов, где шаманство – очень древнее явление, шамана можно считать предтечей сказителя и поэта, а шаманизм – источником различных эпических и поэтических жанров» (Ревуненкова, 1984: 36).

В аспекте настоящего исследования особое внимание уделяется совмещению функций шаманов и сказителей у выбранных для сравнительного анализа народов Сибири. Важное место в исследовании занимает сравнительный метод, который позволяет изучать фольклорно-этнографические связи и взаимодействия разных регионов и выявить специфику изучаемого явления. Зарубежные исследователи этнографии и фольклора монгольских народов отмечали функции шаманов и сказителей как предводителей племени и их ведущую роль в обществе. Так, например, венгерский ученый Д. Кара выделяет «интеллигенцию степей, состоящую, с одной стороны, из шаманов, а с другой – из бардов» (Кага, 1970: 49). Д. А. Функом проведен сравнительный анализ материалов о становлении (избранничестве), духах-покровителях и обучении шаманов и сказителей на телеутском и шорском материалах (Функ, 2005: 20). Он рассматривает функции шамана и рапсода по отдельности, у него нет исследований по совмещению их функций. А. М. Сагалаев рассматривает сходные и различные функции шамана и сказителя в алтайской традиции, также не ставит вопрос о совмещении их функций (Сагалаев, 1985). Вопрос о сказителе и шамане в бурятской фольклористике изучался как в аспекте единых мифологических истоков шаманской поэзии и героического эпоса бурят, так и со стороны биографии известных сказителей, выполнявших функции шамана (Дугаров, 2007).

Мифологическая модель мира в эпосе и шаманизме

По мнению исследователей данной темы, мифологические представления в обрядовых и эпических текстах восходят к единым архетипам, составляющим изначальные традиционные модели: «В архаическом эпосе эпический способ отражения явлений жизни смыкается и стыкуется с мифологическим» (Чудояков, 1995: 66). В бурятской традиции среди сказителей ценились те, кто знал древнюю мифологию, пантеон шаманских божеств, традиционные обряды и сопровождающие их тексты (Балдаев, 1961: 36). Единый мифологический фонд эпических текстов и шаманских призываний в бурятской традиции является основой построения модели мира, в которой исключается изменение функций пантеона божеств. А. М. Сагалаев, выявляя сходные черты в алтайских шаманских и сказительских текстах, отмечает, что «обе традиции выросли на общей мифологической почве» (Сагалаев, 1985: 53).

Также доказанным фактом является устойчивая единая мифологическая модель мира в эпосе и шаманских текстах саха-якутов и тувинцев. Исследуя систему мировоззрений саха, на основе анализа трудов предшественников К. Д. Уткин установил нераздельную связь мифологии в олонхо с их религиозными представлениями (Уткин, 2004). Сказителем может стать только тот, кто полностью владеет исконной традиционной картиной мира, на основе которой строится эпический нарратив. В любом случае, чтобы стать сказителем, он должен быть знатоком мифологии, восходящей к традиционной религии.

Схожесть мифологических образов и традиционных понятий в шаманских и эпических текстах является поводом для различных выводов. З. Б. Самдан предполагает, что этимология тувинского термина *тоолчу* (сказитель), возможно, восходит к образу прорицателя (Самдан, 2016: 32). В данном случае подтверждается универсальность образа мага-прорицателя в тюрко-монгольской мифологии, подчеркивается древняя магическая, заклинательная функция певцов эпических текстов и шаманских камланий, восходящая к единому началу. В монографии А. С. Поповой, изданной на якутском языке, проводятся параллели между мифологическими понятиями в шаманизме и олонхо (Попова, 2018: 36–52). Основываясь на теоретической концепции В. Я. Проппа, автор доказывает, что якутский эпос в целом посвящен жизни и борьбе

великих шаманов, представления и понятия в олонхо – это видение и познание шаманов. В якутском эпосоведении с разных позиций выявлена идентичность мифологических воззрений в эпосе и шаманском обряде, раскрыты схожие магические способности сказителя и шамана.

Итак, мифологические воззрения, исходящие из традиционных верований, интегрированы в эпос, обряды, легенды и предания. Модель мира в эпических текстах у народов Сибири строится согласно традиционной шаманской мифологической версии.

Функции избранника небес и прорицателя

Помимо общего мифологического фона в эпических и шаманских традициях народов Сибири устойчиво сохраняются универсальные мифологические рассказы о функции шамана и сказителя как избранника небес. Синкретизм устных жанров, по мнению многих, восходит к ранним формам художественного слова. Исходя из функции избранника, они как исполнители сакрального текста изначально идентичны в восприятии слова, как бы певец и шаман имеют дар божественного слова, боги их могут слышать.

Возможно, избранническая функция сказителя проявляется в следующем неординарном примере из хакасской традиции. Сказителя П. В. Курбижекова «в народе звали *ээлэг хайчы*, т. е. ‘сказитель, имеющий личного духа-хайа’» (Майногашева, 2020: 24). Преимуществом шамана всегда было наличие духа помощника, данного предками или небожителями и связующего с иным миром. Значит, великий сказитель, в совершенстве владеющий своим искусством, одаренный свыше духом *хайа*, как и шаман, традиционно пользующийся услугами духа-помощника, предельно близок по своим способностям с шаманом. Данный пример еще раз доказывает древний синкретизм рассматриваемых нами персонажей. Сказители и шаманы с божественным даром как носители сакрального слова и древних знаний параллельно выполняли функции и прорицателя.

Мотив божественного дара пророка, провидца тесно связан с универсальным мотивом действий не по собственной воле. Подобный мотив распространен в устных преданиях исследуемых нами народов. У тувинских сказителей, как и у шаманов, «бывают дни, когда вдруг с ними случается что-то неуправляемое, они впадают в некий экстаз, из груди поневоле льется сказка» (Самдан, д. 2210). В бурятской традиции существует множество легенд о даре, полученном с неба сказителями и шаманами. Зачастую в обрядовых текстах шаман говорит, что песнопение он произносит под диктовку высших сил. Мотив избранничества во многих традициях дополняется мотивом наказуемости за ошибки. Бурятские сказители верили, что Гэсэр не терпел плохих рассказчиков о себе и наказывал их (Абай Гэсэр, 2000: 290).

Сказители понимали всю важность и ответственность исполнения героического эпоса, в хакасской традиции считали, что у героического эпоса есть свой *ээзи* ‘дух-хозяин’: «*Ээзи* – Муза сказания за самовольство или забывчивость меня накажет. Я не имела права вносить что-то свое» (Казачинова, 2013: 10). Для сибирской эпической традиции характерно и значимо существование вторых версий текстов, записанных от одного сказителя с интервалом в несколько лет. Исследователи отмечают феноменальную память сказителя в повторении сказания почти без изменений. В шаманских песнопениях при обращении к божествам зачастую звучит просьба шамана о прощении за неправильно произнесенные слова во время обряда, что также связано с мотивом наказуемости.

Проявление функций избранника небес и провидца во время камлания или сказания эпического текста, возможно, связано и с общим для традиции народов Сибири мотивом обделенности судьбой, сиротстве, слепоте или особой зоркости певцов и шаманов. Хакасский исполнитель героических сказаний П. В. Курбижеков в детстве, когда его лягнула лошадь, «пять суток <...> лежал без сознания <...>. Человек, перенесший такое состояние, иногда начинает видеть

тонкий мир» (Майногашева, 2020: 90). Близкими по сюжету являются якутские, тувинские и бурятские предания о людях, перенесших шаманскую болезнь и находившихся в бессознательном состоянии много дней. В шаманских легендах считается, что избранный верхними силами, находясь между мирами, испытывая мучительную боль, вновь перерождается в новом статусе. Испытание делает сказителя и шамана не только избранным, но и провидцем.

В традиции народов Сибири универсальными являются примеры о слепых сказителях или шаманах, ставших ясновидящими. Так, например, хакасский шаман Матрах Кичеев, ослепший еще в младенческом возрасте, во время камланий мог находить потерянное и предсказывать будущее (Кызласов, 1999: 46). Зачастую мотив всевидения соединяется с генетической предопределенностью человека, его родословной легендой. Как схожие функции шамана и сказителя выявлены универсальные мотивы избранничества свыше не по собственной воле, дара провидения, наказуемости, сиротства, болезни.

Генетическая преемственность

Идея об избранничестве тесно смыкается с идеей о генетической преемственности по родословной линии. Чаще всего сакральный текст может передаваться из поколения в поколение и шаману, и рапсоду. В шаманских преданиях и легендах народов Сибири избранниками духов, т. е. имеющими связь с духами предков, становились в основном наследники этого рода по мужской или женской линии. Считалось, что именно духи предков передавали свои сакральные знания потомкам, пробуждая в них способность проникать в иной мир: мир духов и эпических героев. «Один пласт являют собою знания и главным образом умения работы с иномирьем посвященных, к каковым прежде всего относятся сами шаманы, хотя часто и сказители-шаманы» (Функ, 2005: 34). В монографии З. Б. Самдан собран богатый материал, доказывающий преемственность исполнительской традиции у тувинцев по родословной линии, до недавнего времени сохранивших репертуар четырех-пяти поколений рапсодов и шаманов (Самдан, 2016).

В бурятской вербальной традиции сохранились как эпические тексты, записанные от шаманов, так и шаманские песнопения, исполненные известными сказителями. Уникальной особенностью являлось совмещение роли сказителя и шамана по родословной линии, так, наиболее известные бурятские рапсоды Пёхон Петров и Папа Тушемилов, имеющие шаманский дар от предков, одинаково профессионально исполняли шаманские и эпические тексты.

Они были знатоками народной традиции и основных жанров бурятского фольклора. Язык их шаманских песнопений отличался поэтическим разнообразием, богатством мифологических образов. И эти же мифологические персонажи были действующими лицами в эпических текстах, слагаемых ими. Сказители-шаманы, обладая богатым арсеналом традиционных символических образов и формульных клише, могли свободно импровизировать в рамках обрядового и эпического жанров. Папа Тушемилов, как и многие обладатели генетического дара, еще был потомственным костоправом, сегодня его дети и внуки являются известными народными врачами.

Сказитель-шаман и шаман-сказитель

В данном разделе на конкретных примерах проводится сравнительный анализ бурятских эпических и шаманских текстов, записанных как от рапсода, исполняющего функции шамана, так и шамана, исполняющего эпический текст. Ранее проводились исследования бурятских шаманских текстов, имеющих общие черты с эпическими сказаниями (Дампилова, 2012).

Записанное С. П. Балдаевым в 1929 г. шаманское «Призывание небожителей» (*Тэнгэриин дурдалга*) от сказителя П. Тушемилова отличается четкостью композиции. Вместо громоздких

повторяющихся вариаций, как принято в шаманских призываниях, в его тексте мифологическая картина иерархии небесных божеств выстраивается логически последовательно, с перечислением конкретных имен и функций божеств: *Баруулама тэнгэри, / Табин табан тэнгэри, / Уһан хаадай тэнгэри / Оёор Сагаан тэнгэри* (Балдаев, ф. 36) ‘Западные тэнгри, / Пятьдесят пять тэнгриев, / Водяных хатов тэнгри, / Оёр Саган тэнгри’ (пер. Л. С. Дампиловой).

И в эпическом тексте известный сказитель П. Тушемилов, следуя, скорее, шаманской традиции, разворачивает мифологическую картину мира более разносторонне, в контексте широкого пантеона божеств: *Хан-Хюрмас тэньерэ / Гурбан сайхан хүбүүтэй, / Гурбан хүхүй басгатай, / Гушан гурбан / Бөөлүүр сагаан тэньертэй, / Гурбан һалхин тэньертэй, / Гурбан эмээршэн тэньертэй, / Гурбан дүлүн тэньертэй* (Абай Гэсэр, 2000: 13–14) ‘У небожителя Хан-Хюрмаса / Три сына, три красавца... / У него три дочери хухуй, / И тридцать три / Белых шаманящих небожителя. / (Среди них): три небожителя ветра, / Три небожителя дуновения, / Три небожителя пламени’ (перевод С. Ш. Чагдунова). Анализируя эти два текста, можно констатировать, что развитый сказительский талант П. Тушемилова довлеет в его шаманских призываниях. В эпическом же повествовании функции шаманских божеств расписаны более широко, чем обычно принято. В данном случае талант сказителя дополняется даром шамана. Если в шаманском призывании его поэтическая речь лаконична и прагматически функциональна, то в эпосе с эстетической функцией стиль рассказа приобретает более красочный, описательный характер.

Т. К. Алексеевой в 1945 г. записано более двадцати развернутых текстов от шамана в девятом поколении с семью посвящениями Морхоноя Шобонова. Особенностью шаманских песнопений в некоторых региональных традициях является жесткая конструкция, строка завершается ритмически синхронизирующим повтором слова для магического усиления сакрального вещания. «Призывание хозяина черного коня» (*Хара мориной эзэнэй дурдалга*), записанное от шамана Шобонова, состоит из 52 строк, 95 % которых заканчивается словом *бэлэй* ‘был’: *Хулэнхэн дээрэ байхадаа бэлэйл, / Хусэтэй бахатишр гүүлээ бэлэй, / Хаалингууд дээрэ байхадаа бэлэйл, / Хаан ехэ бахатишр бэлэй, / Илээнэйнгээ уһан дээрэ байхадаа бэлэй, / Эсэгэ бахатишр гүүлээ бэлэйи* (Алексеева, № 753) ‘Когда на Кулункуне был, / Сильным богатырем был, / Когда на Халинге был, / Царственным богатырем был, / Когда на водах Лены был, / Отцом богатырем ты был’ (перевод Л. С. Дампиловой).

В данном случае значимо проследить традиции шаманских песнопений, перенесенных в эпический текст. В 1946 г. Т. К. Алексеевой записан вариант текста эпоса «Гэсэр» от этого шамана. В сказании, как и в его песнопениях, используется та же повторяющаяся конструкция окончаний строки: *Хан баабай Ширмас тэнгри билээ, / Зүүни 44 тэнгри билээ, / Ахалаха тэнгри Атай Улан тэнгри билээ, / Түүни дунда многодетный Сэгээн Сэбдэг тэнгри билээ* (Алексеева, № 1791, л. 1) ‘Хан отец, хан Ширмас тэнгри был, / Восточные 44 тэнгри были, / Верховный тэнгри Атай Улан был, / Между ними богатый Сэгэн Сэбдэг тэнгри был’ (перевод Л. С. Дампиловой). Повторяются не только строки, но и целые строфы, что характерно для шаманских призываний. Если в данном случае шаман выполняет функцию сказителя, то в его речи более четко проявляются навыки шаманских речитативов.

В бурятской традиции были такие шаманы, как Гаврила Пянькинов, который вплетал в шаманские призывания эпические формульные выражения и выстраивал текст по эпическим канонам. Необходимо констатировать, что каждый рассказчик имеет свои региональные традиции, свой арсенал мифологических представлений и свой стиль поэтического вещания. Тексты сказителя высокого уровня отличаются богатством и разнообразием художественных образов и мифологической интерпретации картины в эпосе и призывании.

В близких к бурятскому миру якутской и тувинской традициях совмещение функций шамана и рапсода наблюдалось с древнего периода. С. Д. Мухоплева из архивных фондов после-

довательно выявила семь случаев совмещения роли шамана и олонхосута, и шире – шамана и певца разных устных жанров. В якутской традиции отмечается существование великого певца, знатока и исполнителя девяти жанров устного народного творчества. «Олонхосуты и шаманы обычно знали и исполняли песни, алгысы, проклятия, скороговорки, легенды, мифы» (Мухоплева, 1996: 72). Думается, в каждой традиции были знатоки разных жанров фольклора. Так, образ якутского великого певца близок к образу бурятского феноменального знатока устного творчества П. Петрова. Можно утверждать, что эпическое творчество в устном исполнении в Якутии сохранялось до конца XX в., и в данной традиции явно наблюдается этап разъединения их функций.

В тувинской фольклорной традиции также выявляется, что совмещение функций шамана и сказителя сохранилось до современности. З. Б. Самдан изданы биографии людей, в исполнении которых записаны как эпические тексты, так и шаманские обряды. Бесценными являются собранные тувинским шаманом и писателем М. Б. Кенин-Лопсаном в течение многих лет тексты и аудиозаписи мифов и шаманских алгышей («Мифы тувинских шаманов», «Алгыши тувинских шаманов»), демонстрирующие профессионализм исполнения сказаний с музыкальным инструментом, пение народных песен и проведение шаманских повседневных обрядов одним и тем же лицом.

В хакасской традиции, по словам современного молодого сказителя (*хайджи*) Вячеслава Кученова: «По легенде самых истинных сказителей горные духи приводили к себе во дворец и говорили: “Выбирай, либо музыкальный инструмент, либо шаманский костюм”» (интервью «За это ты умрешь. Чем рискуют хакасские сказители» // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/248529344>). Как пишет А. М. Сагалаев, в алтайской традиции «шаман никогда не соглашался начать камлание, узнав, что в стойбище в данный момент поет *кайчи*» (Сагалаев, 1985: 54). Примечательно, что в хакасской и алтайской традиции более четко проявлен этап противопоставления и разделения первоначальных единых функций шамана и сказителя. Думается, что данные примеры также доказывают первичное единство их функций как избранных потусторонними силами: шаман боится камлать рядом со сказителем, ибо тот может помешать его переходу в измененное состояние сознания или, как во втором случае, не сам, а именно горные духи диктуют правила игры.

Не менее интересным примером тесной связи шаманских и эпических традиций является эпическая формула, встречающаяся в хакаских и шорских героических сказаниях: «Всегда будь великим шаманом!» (*Хачан-даа полза, улуг хам пол!*) (НПХ, 2016, с. 327–329). Вполне возможно, что устойчивые формулы, передающиеся из поколения в поколение без изменений, могут содержать информацию о сказителях, которые были великими шаманами.

Хотя в алтайской и хакасской традиции подчеркивается разделение функций шамана и сказителя, следующий пример является явным примером возможности совмещения этих функций. Хакасский поэт, прозаик и драматург М. Е. Кильчичаков писал: «Шаман мог стать или шаманом, или *хайчы*. Даже Кадышев Семен Прокопьевич, – великий *хайчы*, – признался однажды, что в молодости он был шаманом» (цит. по: Кызласов, 1999: 46). Итак, древняя единая функция великого певца, знатока основных жанров устного творчества не исключает особую связь шамана и сказителя как человека, избранного небесами для передачи сакрального слова.

Хотелось бы дополнить, что во всех традициях шаманский текст в основном имеет прагматический аспект, а основная функция эпического текста – это эстетическая. Полифункциональность коммуникативной деятельности шамана и сказителя проявляется в том случае, если включается ритуально-обрядовое событие. Например, если эпос поется во время охотничьих обрядов, что характерно для традиции исследуемых народов, то сказитель выполняет идентичную с шаманом прагматическую функцию.

Заключение

В ходе исследования определена магическая функция шаманского текста и эпоса. Выявлены общие функции шамана и сказителя как избранника небес, пророка и прорицателя, обладающего даром свыше, наитием. Установлены универсальные мотивы божественного дара, действий по принуждению, наказуемости, обделенности как шамана, так и рапсода. Исследуя совмещение функций шамана и сказителя, необходимо иметь в виду определенные этапы в развитии каждого этноса, когда наблюдалось тождество их функций. Установлен единый архетип синкретического образа певца в традиции исследуемых народов Сибири.

В итоге исследования приходим к выводу о том, что функции шамана и рапсода в традиции народов Сибири имеют типологическое сходство. Древние единые функции шамана и сказителя с развитием устной традиции разделились. Одновременно могли выполнять функции шамана и сказителя в основном те, кто имеет шаманские корни. Так, например, пока была жива сказительская традиция, у бурят сохранялось совмещение функций шамана и сказителя. В якутских и тувинских обрядовых и эпических текстах обнаружены более близкие параллели с бурятским миром. В алтайской и хакасской традициях функции шамана и сказителя со временем полностью разошлись, однако проведенное исследование выявляет рудименты прежнего синкретизма. В рамках одной статьи не было возможности расширить сравнительный фон с монгольскими и другими тюркскими народами, поэтому ограничились только обозначенными объектами исследования.

Литература:

- Абай Гэсэр. Сказитель П. М. Тушемилов, науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступит. статья и послесловие С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.
- Дампилова Л. С.** Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
- Дугаров Б. С.** Сказитель П. Петров и «Хангинское песнопение» // Монгол аман зохиол, зан уйлийн судалгаа. Улаанбаатар, «Соёмбо принтинг» ХХК, 2007. С. 40–49.
- Жирмунский В. М.** Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1974. 727 с.
- Казачинова Г. Г.** Воспоминания о сказительнице // Анна Васильевна Курбижекова: к 100-летию сказителя и тахпахчи / сост. А. А. Чистанова. Абакан: (б.и.), 2013. С. 8–10.
- Кызласов Л. Р.** Мой друг – дитя народа // Жизнь, отраженная в слове (к 80-летию М. Е. Кильчичакова). Абакан: Отдел издательской деятельности ХРРИПКиПРО «Роса», 1999. С. 40–53.
- Майногашева В. Е.** Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. 2-е доп. изд. Абакан: (Б/и), 2020. 144 с.
- Мухомлева С. Д.** К вопросу о соотношении функции шамана и сказителя. По якутским материалам // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М.: РАН, ИЭА РАН, 1996. С. 70–77.
- Путилов Б. Н.** Фольклор и народная культура: in memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
- Рерих Ю. Н.** Сказание о царе Кэсаре Лингском // Декоративное искусство. Диалог истории и культуры. 1995. № 1–2. С. 19–24.
- Сагалаев А. М.** Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Изв. СО АН. 1985. № 9. Сер. истор., филол. и филос. Вып. 2. С. 53–56.
- Самдан З. Б.** Миф в фольклорной традиции тувинцев (форма бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск: Наука, 2016. 180 с.
- Ревуененкова Е. В.** О некоторых истоках поэтического творчества Индонезии (шаман – певец – сказитель) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1984. С. 65–70.
- Уткин К. Д.** Предфилософия олонхо: антитеза натурализма супранатурализму: сб. тр.: в 16 кн. Кн. 5. Якутск: Бичик, 2004. 278 с.
- Функ Д. А.** Миры шаманов и сказителей. М.: Наука, 2005. 398 с.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1995. 214 с.

Попова А. С. Олонхо өйдөбүллэрин бүдүмүк өй-санаа аан дойдуну анаарытын быһытынан көрөн ырытыы. Дьокуускай: ХИФУ издательской дьиэтэ, 2018. 121 с.

Kara G. Chants d'un barde mongol. (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII.) Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 351 p.

Источники:

Алексеева, № 753 – Алексеева Т. К. Материалы по шаманизму: записаны у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, 1945 г. Вторые варианты записаны у Болдырева Илакся там же // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. Алексеевой Т. К., шаманство, № 753.

Алексеева, № 1791 – Гаханова-Алексеева Д. Гэсэр (вариант): записан у шамана Шобонова Морхоноя Алсагаровича, 70 лет, улус Онгой-Кутанка, август, 1946 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. Алексеевой Т. К., № 1791.

Балдаев, ф. 36 – Призывание небожителей (*Тэнгэриин дурдалга*). Со слов П. Тушемилова, 68 л., Улан-Удэ, июнь 1929 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, С. П. Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 1111, с. 44.

Самдан, д. 2210 – Материалы Цэнгэльской экспедиции, 2007 // ФФ ТИГИ, т. 310, д. 2210.

Дампилова Людмила Санжибоевна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Миндибекова Валентина Виссарионовна.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090.

E-mail: mindibekova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 26 мая 2022 г.

L. S. Dampilova, V. V. Mindibekova

COMBINING FUNCTIONS OF SHAMAN AND STORYTELLER IN THE ORAL TRADITION OF PEOPLES OF SIBERIA

In Russian ethnography and folklore studies, the question of combining the functions of a shaman and a rhapsode in a comparative aspect at the interethnic level is one of the topical and poorly studied problems. The purpose of the work is to identify mythological, functional and genetic connections between shamans and rhapsodes. In the course of the study, for the first time in Russian science, through a comparative analysis for identifying the universal functions of shamans and storytellers in the tradition of peoples of Siberia, a unified archetype of the syncretic image of a bard was revealed. It has been established that the picture of the world in epic texts among the peoples of Siberia is built according to the traditional shamanic mythological version. For the first time, using specific examples, a comparison is made between epic and shamanic texts recorded both from a rhapsode performing the functions of a shaman and a shaman performing an epic text. The general functions of the shaman and the rhapsode as the heaven's chosen one, the prophet and the soothsayer, possessing a gift from above, an inspiration, are revealed. The universal motives of the divine gift, involuntary actions, punishability, deprivation are defined. As a result of the study, we come to the conclusion that the functions of the shaman and the rhapsode in the Buryat, Yakut and Tuvan traditions have typological similarities. The ancient functions of a shaman and a rhapsode separated with the development of the oral tradition, but in subsequent generations they could be simultaneously performed mainly by those who have shamanic roots. The Buryats retained the combination of the functions of a shaman and a rhapsode as long as the storytelling tradition was alive. In the Khakass traditions, the functions of the shaman and the rhapsode have completely diverged over time, but our research reveals the rudiments of ancient syncretism.

Keywords: *epos, rite, text, mythology, ethnos, cultural universals, syncretism.*

References:

- Abai Geser [King Gesar]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 2020. 256 pp. (In Russian)
- Dampilova L. S.** Shamanskii pesnopeniia buriat: simbolika i poetika [Shamanic Chants of the Buryats: Symbolism and Poetics]. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Oriental Literature. 2012. 263 pp. (In Russian)
- Dugarov B. S.** Skazitel' P. Petrov i "Hanginskoe pesnopenie" [Narrator P. Petrov and Khangin song]. Mongol aman zohiol, zan ujlijn sudalgaa. Ulaanbaatar, 2007. P. 40–49. (In Russian)
- Zhirmunskii V. M.** Tiurkskii geroicheskii epos: Izbrannye trudy [Turkic Heroic Epic: Selected Works]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1974. 727 pp. (In Russian)
- Kazachinova G. G.** Vospominaniia o skazitel'nitse [Memoirs about a Rhapsode]. Anna Vasil'evna Kurbizheko: k 100-letiiu skazitelia i takhpakhchi. Abakan: [without Publishing House], 2013. P. 8–10 (In Russian)
- Kyzlasov L. R.** Moj drug – ditja naroda [My friend is a child of the people]. Zhizn', otrazhennaia v slove (k 80-letiiu M. E. Kil'chichakova). Abakan: Publishing Department HRRIPKiPRO "Rosa", 1999. P. 40–53 (In Russian)
- Mainogasheva V. E.** Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora [Khakass Storytellers and Singers. Essays about Some Folklore Masters]. 2nd revised ed. Abakan: [without Publishing House], 2020. 144 pp. (In Russian)
- Mukhopleva S. D.** K voprosu o sootnoshenii funktsii shamana i skazitelia. Po iakutskim materialam [On the Question of the Relationship between the Functions of the Shaman and the Rhapsode. Based on Yakut Materials]. Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov luzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Vol. 2. Moscow: RAS, IEA RAS, 1996. P. 70–77 (In Russian)
- Putilov B. N.** Fol'klor i narodnaia kul'tura: in memoriam [Folklore and Folk Culture: in memoriam]. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003. 464 pp. (In Russian)
- Reikh Iu. N.** Skazanie o tsare Kesare Lingskom [The Legend of King Kasar of Ling]. Dekorativnoe iskusstvo. Dialog istorii i kul'tury. 1995. № 1–2. P. 19–24. (In Russian)
- Sagalaev A. M.** Skazitel' i shaman v traditsionnoi kul'ture altaitsev [Rhapsode and Shaman in the Traditional Culture of the Altaians]. Izvestiia Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk. 1985. № 9. Series: History, Philology and Philosophy. Vol. 2. P. 53–56. (In Russian)
- Samdan Z. B.** Mif v fol'klornoi traditsii tuvintsev (forma bytovaniia, siuzhetnyi sostav, sistema personazhei) [Myth in the Folklore Tradition of Tuvans (Form of Existence, Plot Composition, System of Characters)]. Novosibirsk: Nauka. 2016. 180 pp. (In Russian)
- Revunenkov E. V.** O nekotorykh istokakh poeticheskogo tvorchestva Indonezii (shaman – pevets – skazitel') [On Some Sources of Poetic Oeuvre in Indonesia (Shaman – Bard – Rhapsode)]. Fol'klor i etnografiia: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov: Collection of Scientific Papers. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1984. P. 65–70. (In Russian)
- Utkin K. D.** Predfilosofija olonho: antiteza naturalizma supranaturalizmu [Olonkho's Pre-philosophy: the Antithesis of Naturalism to Supranaturalism]: sbornik trudov: v 16 kn. Kn. 5. Yakutsk: Bichik, 2004. 278 pp. (In Russian)
- Funk D. A.** Miry shamanov i skazitelei [The Worlds of Shamans and Rhapsodes]. Moscow. Nauka, 2005. 398 p. (In Russian)
- Chudoiaikov A. I.** Etiudy shorskogo eposa [Etudes of the Shor Epic]. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1995. 214 pp. (In Russian)
- Popova A. S.** Olonkho eidebyllerin bydymyk ei-sanaa aan doidunu anaaryytyn byhyytynan koren yryty [Analysis of Olonkho's representations from the perspective of mythological worldview (logical-epistemological analysis of the cosmogonic content of Olonkho)]. Yakutsk: KhIFU izdatel'skai d'iete, 2018. 121 pp. (In Yakut)
- Kara G.** (1970). Chants d'un barde mongol. Budapest: Akademiai Kiado. Bibliotheca Orientalis Hungarica. T. XII. (In English)

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna.

Doctor of philology, chief research fellow.

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Mindibekova Valentina Vissarionovna.

Candidate of philology, research fellow.

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8 Nikolaev st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: mindibekova@ngs.ru